

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

16+

ЭРЛИН

ИЗ КРАСНОГО ДОМА

Екатерина Бакулина
Эрлин из Красного Дома

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бакулина Е.

Эрлин из Красного Дома / Е. Бакулина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Я была влюблена в его брата – прекрасного, нежного, доброго юношу, который так же страстно любил меня. Его самого я боялась. Его многие боятся. Лорд Хёнрир – самая опасная и кровожадная тварь Леса. Его именем пугают детей. Говорят, он давно уже мертв, и только магия держит его в человеческом облике. Но вышло так, что только Хёнрир остался рядом в трудную минуту, защитил меня и моего сына, не побоялся поддержать, когда все остальные отвернулись. Поручился за меня своей жизнью. И теперь я не могу остаться в стороне...Первая часть дилогии. Самостоятельный сюжет. Вторая книга: Дети Мертвого Леса

© Бакулина Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Из записей заседания Совета	5
Глава 1. Кровь	6
Глава 2. Дорога	12
Глава 3. Долгая ночь	18
Глава 4. Торенхолл	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Екатерина Бакулина

Эрлин из Красного Дома

Из записей заседания Совета

Из записей заседания Совета.

Лорд Кенриль (временно исполняющий обязанности главы Совета): Лорд Хёнрир, вы хорошо осознаете всю тяжесть преступлений, за которые вам сегодня придется отвечать?

Лорд Хёнрир: Да, осознаю.

Лорд Кенриль: Не стоит так ухмыляться, лорд Хёнрир. Или вы надеетесь, что вам снова сойдет с рук?

Лорд Хёнрир: Я могу надеяться на что угодно, лорд Кенриль, но решать Совету.

Лорд Кенриль: Лорд Хёнрир, вы обвиняетесь в убийстве лорда Арета, главы Желтого Дома. Вы вторглись в его жилище без приглашения и убили ударом спины. Это преступление однозначно карается смертью.

Лорд Хёнрир: Да, это так.

Лорд Кенриль: Кроме того, вы несете ответственность за действия лорда Свельга, как старший брат, в отсутствие отца, и как глава Синего Дома. Поскольку Свельг, на тот момент, не прошел ритуал и не мог считаться взрослым мужчиной. Он соблазнил чужую жену и вступил с ней в связь. Глава Желтого Дома имеет право требовать смерти за это преступление.

Лорд Хёнрир: Да, по закону я несу за Свельга полную ответственность.

Лорд Кенриль: Кроме того, лорд Хёнрир, вы изъявили желание выступать защитником леди Эрлин. Она не принадлежит вашему Дому, но поскольку вы спасли ее жизнь, то имеете на это право. Таким образом, ее вина так же ложится на вас. Леди Эрлин обвиняется в измене своему мужу, и этот факт наглядно подтвержден ребенком, которого она родила. Ни у кого здесь нет сомнений, что ребенок от вашего брата. Думаю, вы понимаете, что, по настоянию главы Дома, доказанная неверность жены так же будет караться смертью.

Лорд Хёнрир: Вы собираетесь казнить меня трижды, лорд Кенриль? Эм... Четырежды? Если помните, на мне еще висит отсроченный смертный приговор за убийство Вальмарда?

Лорд Кенриль: На этот раз вам не уйти от правосудия, лорд Хёнрир.

Лорд Хёнрир: Я не собираюсь уходить от правосудия, лорд Кенриль. Я стою перед вами.

Глава 1. Кровь

«Держись от него подальше, он чудовище!» Кто только ни говорил ей об этом.

Да, Эрлин помнит, как это было – кругом кровь...

Последний раз она видела лорда Хёнрира вблизи на свадьбе. Еще той его неудавшейся свадьбе, а не на своей. Три года назад.

На ее свадьбу с Аредом лорд Хёнрир не приехал, сославшись на неотложные дела, прислал свою сестру.

Три года назад он сам пытался жениться. Взрослый мужчина, глава Синего Дома, старшего из Домов Леса, ему давно пора было подумать о наследнике. Потом говорили: он ошибся в выборе, взял девушку из малого Дома, со слабым даром, такую, которая не способна достойно противостоять ему.

Безумие, охватывающее от запаха крови, от возбуждения, от запаха женщины – не редкость для лесного лорда. Лес вечно голоден. Даже Эрлин запах крови щекочет нос и не дает покоя, что уж говорить про воинов, вкусивших ярость битвы и зов в полной мере.

Девушек учат правильно вести себя и защищаться. Лорд Хёнрир мог бы выбрать такую, что смогла бы... Но ведь дело не в девушке, дело в нем самом.

Ей говорили – лорд Хёнрир давно безраздельно принадлежит Лесу, он давно уже не человек, а мертвая тварь.

Эрлин помнит его свадьбу и тот пир. Помнит девушку... Лиль ее звали. Нежный цветок. И как лорд Хёнрир целовал ее, и она целовала его в ответ, и как они оба, кажется, были счастливы. Потом они ушли в спальню, их провожали песнями... А потом... и часа не прошло, как распахнулись двери, лорд Хёнрир появился на пороге большого зала. Полуголый, весь в крови. Замер, обводя собравшихся взглядом, словно чего-то ожидая. «Лиль... помогите ей!» – попросил хрипло.

Он стоял там, на пороге, его шатало. Белое лицо и алые полосы на нем.

Запах крови. Сиятельные лорды, разгоряченные вином и пиром, оцетинились разом, вытянулись. Эрлин слышала угрожающий рык – кровь слишком кружит голову. Она подумала даже – сейчас Хёнрира разорвут. Но его слишком боялись. Словно собаки, когда шерсть встает дыбом, но хвосты прижаты. Страх держал их, а вовсе не самообладание. И первой успела Хель, его сестра. Сдернула скатерть со стола, укрыла Хёнрира с головой, вытолкала за дверь.

Его ведь даже оправдали потом. По крайней мере, не наказали серьезно. Сказали, Лиль уколола палец булавкой, снимая платье, и капелька крови... Лес хочет крови, и Хёнрир не смог справиться. С кем не бывает?

Лиль выжила, несмотря на тяжелые раны. Ее увезли домой. Брак признали несостоявшимся. И Хёнриру запретили жениться снова.

Бывает... Эрлин могла понять это – Лес сильнее любого из людей.

Но она долго не могла понять, как вышло, что Ареду, ее мужу, никто ничего не запрещал. Он тоже не мог устоять против зова крови, и от возбуждения в постели совсем терял контроль. Он и не пытался сдерживаться. Но Аред делал это тихо, за закрытыми дверями. Год брака с ним – стал настоящим кошмаром. Аред бил и насиловал Эрлин когда хотел, и Эрлин твердо знала – если она хоть кому-то пожалуется, то умрет.

Как-то раз Эрлин осторожно сказала матери, но мать лишь покачала головой. Терпи и будь сильной. Ей легко такое говорить. Мать, Ирген из Серого Дома, третья дочь младшего сына, тоненькая и хрупкая, всегда была сильнее отца – лорда Кенриля, главы Красного Дома, второго, после Хёнрира, лорда Леса... и это всегда выводило отца из себя. Сильнее не физи-

чески, конечно, ее дар был сильнее. Отец мог ударить, срывая злость, но как человек. Зов Леса Ирген глушила почти полностью.

А Эрлин не справлялась.

Оставалось только терпеть, залечивая раны.

Свельг всегда был безумно нежен. Так красив, так внимателен к ней, в его объятиях Эрлин готова была забыть обо всем. Была счастлива. Если бы не это запретное, украденное у судьбы счастье, она сошла бы с ума.

Их любовь. Их сын... так предательски похожий на отца.

Эрлин просто не успела.

Нужно было сбежать, успеть... как угодно, несмотря на охрану, несмотря на то, что ей некуда идти. Она не успела. Роды были долгими, Эрлин еще едва-едва смогла прийти в себя, когда Аред с войсками вернулся.

Все они разом. Дорога от Ивила шла мимо их замка.

Аред, другие лорды... лорд Хёнрир, Свельг вместе с ним...

Когда Эрлин увидела Свельга в окно, когда он въехал во двор, у нее замерло сердце. Она подумала даже – вдруг еще есть надежда, и Свельг поможет ей! Случится чудо...

Она видела, как Аред спрыгивает на землю... его встречают... слуги не решаются сразу, но потом осторожно и быстро-быстро что-то говорят ему, и Аред... он бросает быстрый взгляд на ее окно. Его звериный страшный рык. И он, отбросив в сторону слуг, несется к дверям, по лестнице к ней.

Вот и все.

Поздно бежать.

Сейчас муж убьет ее, она заслужила на этот раз. Она изменила, родила сына от другого мужчины, и по закону заслуживает смерти за это. Аред имеет полное право. Сопrotивляться больше нет сил.

Свельг там внизу...

– Свельг! – кричит Эрлин в окно.

Ей уже нечего терять, ее честь, ее жизнь – потеряны и втоптаны в грязь. Все, что она может – попытаться спасти сына. Она держит его, надеясь, что Свельг увидит и поймет. Сделает, хоть что-нибудь! Кого еще она может просить?

– Свельг!

А на окне решетка, даже не выпрыгнуть. И так высоко...

Свельг вздрагивает, поднимает голову. Сползает на землю из седла, и неуверенно мечется, словно не в силах решить, что ему делать – бежать отсюда, опасаясь возмездия, или бежать на помощь. Ему самому грозит смерть за преступную связь с чужой женой. И с Аредом Свельгу в одиночку не справиться.

Лорд Хёнрир тоже оборачивается к Эрлин, но он не сомневается, спрыгивает, хватая и разворачивает Свельга за плечи к себе. Что-то говорить ему. Он его убьет? Как глава Дома и глава Совета, лорд Хёнрир имеет право покарать на месте. Свельг отчаянно мотает головой. Еще мгновение, и лорд Хёнрир срывается с места и бросается вслед за Аредом сам.

– Эрлин! Запри дверь! – бьет по ушам его голос. Такой, что не подчиниться невозможно.

Эрлин бросается к дверям. Все так же, с ребенком на руках, она даже не успевает подумывать, слыша лишь приказ. Ключа у нее нет, засова на двери тоже... Ее заперли снаружи, чтобы не сбежала, но она сама никак не может запереть изнутри. Можно попытаться придвинуть что-то...

Поздно. Лихорадочно пытаюсь сообразить, Эрлин не успевает, времени совсем нет. Грохот за дверью. И дверь распаивается от удара, едва не слетая с петель, ее муж на пороге.

– Покажи мне его! – страшно рычит. – Блудливая тварь! Покажи!

Нет!

Эрлин пятится, пытаясь хоть как-то прикрыть ребенка собой, защитить, прижимая его к груди. Она пытается развернуть щит, но не выходит сосредоточиться, слишком страшно. Ей не сбежать. И Аред идет напролом, ломая магические щиты, вырывая мальчика из ее рук, ее саму – ударом отбрасывая к стене. И о стену головой так, что искры из глаз. Эрлин еще кое-как пытается подняться на ноги... Но ее сил, ни физических, ни дара, не хватает, чтобы помешать.

Аред в ярости. Он сразу, без всяких сомнений, видит измену жены, мальчик – огненно рыжий, как Свелг, не многие лорды Леса могут похвастаться таким цветом волос. И ослепительные голубые глаза. Не его.

– Тварь! – ревет он.

Бросает ребенка на пол, и наступает тяжелым сапогом...

– Нет! – кричит Эрлин. – Нет!!!

Темнеет в глазах. Нет! Она подсакивает, бросается на мужа, но ее снова отшвыривают в стену. И кажется, это уже совсем конец, когда Аред идет на нее, его лицо темнеет и так безумно горят глаза. Кажется даже – сейчас, прямо здесь, на ее глазах, он превратится в тварь, у него страшно, вытягивается лицо, заостряются зубы... дико, до тошноты. Он ее разорвет.

Последняя, отчаянная попытка прикрыться, но Аред снова сносит щит, почти не замечая.

Эрлин зажмуривается, готовясь к смерти.

Удар...

Не по ней, совсем рядом. Звон стали и хруст ломающихся костей, хлюпанье крови... Черная мертвая кровь... Аред, разрубленный от шеи наискосок, через грудь, до подмышки... так страшно, что хочется заорать, но крик встает поперек горла. Еще мгновение мертвое тело держится на ногах, покачиваясь. Потом заваливается на бок.

За ним стоит Хёнрир, забрызганный черной кровью. Огромный и неподвижный, словно скала.

И звон падающего меча – это Хёнрир бросает свой. Он стоит, и видно, как тяжело дышит, сосредоточенно, как складка пролегла между бровей, как раздуваются ноздри. Белое каменное, заострившееся лицо. Он пытается справиться с собой – вокруг столько крови! И убив раз, остановиться почти невозможно. Кровь сильнее. Не так...

Эрлин вжимается в стену спиной.

Если не муж, то лорд Хёнрир сейчас убьет ее.

Хёнрир стоит...

Так тихо, что Эрлин отчетливо слышит его дыхание. Слышит, как он глухо рычит сквозь зубы. Напрягаются плечи, пальцы сжимаются до хруста... Темнеют глаза. Глубокий вдох...

– Мой ребенок... – шепотом говорит Эрлин. Пусть Хёнрир убьет ее, но если еще можно хоть что-то сделать... Губы дрожат.

Хёнрир вытягивается. Еще один вдох и один выдох, он разворачивается, оглядываясь.

Крошечный, окровавленный раздавленный сверток чуть позади него. Шаг назад. Хёнрир наклоняется... И Эрлин вдруг ощущает движение чудовищной Силы, заполняющей все. И голод Леса, нарастающий почти истерично: «убей!» Ребенок Эрлин и так почти мертв, даже не плачет. Тонкие невидимые нити связей Хёнрира вытягиваются, склоняются и опутывают его, словно коконом.

– Нет! – кричит Эрлин. – Не трогай его!

Ей кажется, Хёнрир сейчас убьет окончательно, сожрет... выпьет маленькую жизнь, которая и так едва-едва теплится. Превратит ее малыша в тварь. Лесу нужна кровь и нужна добыча. Мертвая черная кровь Ареда не годится для него, только живая...

– Нет!

Спотыкаясь, едва держась на ногах, Эрлин делает шаг вперед.

И натывается на непроницаемую стену щита.

– Не трогай! – кричит она. – Отпусти его!

– Успокойся, – хрипло говорит Хёнрир. – Я хочу помочь. Иначе он умрет.

Страшно. Так невыносимо страшно, Эрлин не понимает, что сейчас будет.

Она снова, без всякой надежды, бьется всем телом о невидимую преграду щита...

Ее сил недостаточно, но видеть она может.

И она видит, как тонкие нити Силы Хёнрира опутывают ребенка, как проникают внутрь, пытаюсь собрать раздробленные кости, разорванное легкое, остановить кровь... На это невозможно смотреть, очень больно. По щекам Эрлин текут крупные слезы.

– Ты превратишь его в тварь, – шепотом говорит она.

Если тонкие нити остаются в чужом теле слишком долго, они прорастают, подчиняя волю, ломая и медленно убивая, высасывая из человека все. Так Лес подчиняет себе людей.

– Я только соберу то, что сломано и отпущу его. Не бойся, – говорит Хёнрир сосредоточенно, не отрываясь. – Потом нужна будет твоя Сила.

Хорошо.

Эрлин сейчас не в состоянии спорить и не знает, как лучше.

Жизнь ее ребенка совсем на грани, и если не сделать хоть что-то прямо сейчас – он умрет, он слишком крошечный, что бы справиться самостоятельно. Если Хёнрир может помочь – даже неважно каким способом и с какой целью, но это даст шанс.

Хорошо. Пусть так. Она сама сделает все, что потребуется.

– Найди чистые пеленки, – говорит Хёнрир. – И переоденься сама, у тебя платье в крови. Чем меньше крови будет на вас обоих, тем лучше. Мы сейчас уедем, ты поедешь со мной.

Его голос звучит спокойно и холодно.

Да. После того, что случилось – оставаться нельзя. И даже Хёнриру – он убил лорда Желтого Дома... Как скоро они опомнятся? Они ведь потребуют его смерти... Совет потребует. И смерти Эрлин тоже... и Свелг...

Так хочется разрыдаться от растерянности, от беспомощности, но времени действительно нет. Переодеться и найти пеленки. Собраться. Когда что-то делаешь – проще, главное – не стоять. Лорд Хёнрир прав, кровь на ней – опасна.

Собраться, да.

Только трясутся руки.

Ничего. У нее есть удобное платье для верховой езды и бриджи. Она ведь поедет верхом?

Переодеваться прямо тут? Оглядывается на Хёнрира, невольно...

– Не бойся, я не смотрю, – говорит он. – Лучше не отходи от меня далеко.

Ничего. Сняв платье, она останется в сорочке, ничего нового лорд Хёнрир не увидит. Эрлин не девочка, чтобы краснеть по пустякам. Быстро. И нужно справиться со всей шнуровкой, несмотря на непослушные пальцы.

– Оделась? Иди сюда. Я хочу, чтобы тоже увидела.

Она не может.

Нет, она подойдет конечно... просто Эрлин кажется, она сейчас умрет, ее сердце разорвется. Ей не хватит сил посмотреть. Ноги подгибаются.

То, что стало с ее мальчиком...

У нее темнеет в глазах.

Хёнрир бросает на нее быстрый взгляд.

– Тебе плохо?

Она зажмуривается, отчаянно мотает головой. Как объяснить? Для него это ничего не значит.

Нужно взять себя в руки.

– Расстели вот здесь, – говорит Хёнрир.

Она расстилает чистую пеленку. Он осторожно поднимает, стирая с тельца кровь, пере-кладывает.

– Правая рука пострадала больше всего, – говорит он, – кости сильно раздроблены, не уверен, что смогу что-то сделать. Я сейчас постарался собрать то, что жизненно важно – ребра, легкие, внутренние разрывы. Сейчас все срастется, надеюсь, к вечеру... и я отпущу. Замкну все контуры. Потом нужно будет только поддерживать его, подпитывая Силой, ты сможешь и сама, без нитей, через прямой контакт. Еще... шрам на лице – шпорой задело. Выглядит страшно, но это как раз не опасно. Вот с рукой – не знаю...

Эрлин кивает – она поняла.

Все сжимается и каменеет внутри. Кажется, это происходит не с ней, не на самом деле. Она не вынесет.

И она виновата сама. Это из-за нее.

Она виновата во всем.

Лучше бы Аред убил ее.

Лорд Хёнрир поднимает ребенка на руки.

– Идем, Эрлин.

Свельг во дворе. Люди ее мужа и люди Хёнрира. Воины. Никто пока не понимает, что произошло.

Словно во сне все это. Звенит в ушах.

Хёнрир идет чуть впереди, с ребенком на руках, Эрлин за ним следом.

– Держись ближе ко мне, – тихо говорит он. И потом, для всех, громко: – Мы уезжаем!

Эрлин так хочется зажмуриться... так страшно. Их выпустят?

– Лорд Аред? – слышит она. Это Хваль, кажется, один из людей ее мужа. – Что с ним?

– Я убил его, – совершенно ровно, бесстрастно говорит Хёнрир. – Если хотите, можете предъявить претензии в Совет.

– Вы убили его?! – потрясенно...

– Да. Он уже был тварью, вы можете подняться и убедиться сами.

Эрлин видит, как Свельг меняется в лице – ужас в его глазах.

– Эрлин... – шепотом говорит он, отчаянно.

Смотреть Свельгу в глаза сейчас тяжело, Эрлин отворачивается. Она не в силах ничего объяснить.

– Леди Эрлин поедет со мной, – говорит Хёнрир.

Никто не спорит, теперь она его законный трофей и добыча.

Бальдар выходит вперед, младший брат Ареда.

– Вы не можете уехать так, лорд Хёнрир!

– Могу, – говорит он. – Лорд Бальдар, теперь вы глава Желтого Дома, и, давайте, не будем совершать необдуманных поступков. Не стоит мешать мне.

И, вроде бы, никакой угрозы в его голосе, но пробирает озноб. Эрлин чувствует движение потоков Силы, чужая воля сковывает, не дает даже поднять глаза. Они отступают.

Хёнрир подходит к своему коню, легко запрыгивает в седло, все так же, держа ребенка одной рукой, вторую протягивает Эрлин.

– Поедешь со мной, – говорит он. – Сядешь сзади в седло. И держись за меня.

Эрлин не в том положении, чтобы спорить.

Хёнрир помогает ей залезть тоже... у него теплые пальцы, очень жесткие... Эрлин чувствует легкое покалывание магии... выходит так, что она совсем близко, ее колени касаются его бедер, ее грудь – его спины, и ничего с этим не сделать, не отодвинуться.

– Поедем быстро, – тихо говорит он, – так что держись крепче.

И прищипывает коня.

И Эрлин, которая поначалу так надеялась держаться лишь за его куртку, приходится обхватить Хёнрира за талию, крепко, чтобы не упасть.

Глава 2. Дорога

Когда они переходят с рыси на шаг, и нет никакой погони за ними, можно, наконец, выдохнуть, разжать руки и отпустить его, Эрлин больше не свалится. Но вдруг судорожно сводит руки. До слез, до истерики. Весь накопившийся ужас последних дней вдруг рвется наружу.

– Эрлин... поплачь, – тихо говорит Хёнрир. – Ничего страшного... ты поплачь, и тебе станет легче.

Она не может. Это слишком, как же она будет вот так плакать, при всех? Недостойно... Но это сильнее ее. Эрлин всхлипывает, почти против воли уткнувшись Хёнриру в спину, словно спрятавшись. Он не возражает против такой вольности. Его спокойная уверенность, тепло его тела – так странно действуют на нее, даже без слов. Слезы сами льются по щекам, не остановить... но действительно легче.

– Мой ребенок, – говорит она, – как он?

Чувствует, как Хёнрир вздыхает.

– Думаю, я справлюсь, и он будет жить. Завтра утром скажу тебе наверняка.

– Я могу что-то сделать?

– Нет, – говорит он. – Пока ничего. Ты просто отдохни немного и приди в себя. Я скажу, когда нужна будет твоя помощь.

Тихо и мягко.

После быстрой езды без стремян – ноет спина.

– Почему ты... – она запинается, разжимает руки, наконец, держась теперь только за его одежду, садится прямо, даже стараясь отстраниться от него. – Почему вы, лорд Хёнрир, делаете это?

Его короткую усмешку она скорее чувствует, чем слышит.

– По многим причинам, леди Эрлин. У меня свои счета с Лесом, с вашим отцом и с Аредом тоже. К тому же, этот мальчик мой племянник. Учítывая то, что ни у меня, ни у Хель, скорее всего, не будет детей, а Свелг все никак не станет мужчиной, то хоть одного наследника Синему Дому полезно иметь. По крайней мере, до тех пор, пока не появятся других, законных.

Наследник Синего Дома? Эрлин кажется, она ослышалась.

Но Хёнрир прав...

И Эрлин понимает главное – ее сын нужен лорду Синего Дома, сейчас даже неважно зачем, но лорд сделает все, чтобы ее сына спасти. Важно то, что ее сын больше не выродок, который должен немедленно умереть. Важно то, что у него есть шанс.

Накатывает слабость, до дрожи, такая, что кажется, она вот-вот упадет.

– Держитесь крепче, леди Эрлин, и не нужно смущаться, всем плевать насколько крепко вы меня обнимаете. Или, если хотите, вы можете пересечь к Свелгу, теперь уже можно.

Хочется спросить, что будет с ней самой, но Эрлин не решается.

До Торенхолла, в лучшем случае, они доберутся завтра к вечеру.

И, если выбирать с кем ехать, то...

Свелг подает ей руку. Неуверенная, смущенная улыбка на его лице. Когда он наклоняется – огненные кудри падают ему на лоб, закрывая глаза. Он помогает Эрлин забраться в седло – выходит чуть неуклюже.

– Как ты? – спрашивает тихо.

– Хорошо, – говорит она. С ней все в порядке, синяки не в счет. – Но... мой сын... Аред чуть не убил его.

Эрлин хочет сказать «наш сын», но отчего-то не выходит. И Свелг не поправляет ее. Он не знает? Эрлин кажется, уже все знают о том, что они совершили.

– Теперь Аред мертв, – говорит Свелыг. – Он давно заслуживал смерти.

– Черная кровь, – говорит Эрлин и невольно вздрагивает, вспоминая все это. – Он уже был мертв, Лес забрал его.

Так хочется рассказать ему все, поделиться.

– Все хорошо, Эрлин. Все уже закончилось.

«Поплачь, Эрлин», словно слышится ей, только голос чужой. Она даже кладет голову Свелыгу на плечо, так хочется обнять его, прижаться, выплакать, наконец, весь этот ужас, который держала в себе. Кто еще может понять и пожалеть ее? У нее больше никого нет.

Но Свелыг обнимает за талию, чуть поглаживая пальцами, и в его объятьях нет сил говорить о своих бедах.

– Ну что ты, Эрлин, – говорит Свелыг, дотрагиваясь губами до ее волос. – Не плачь. Ну что ты... Все уже хорошо.

И что-то сжимается внутри. Она должна быть сильной? «Терпи и будь сильной», да? Сколько раз она слышала это. И слезы, уже готовые сорваться, высыхают. Эрлин поджимает губы, берет себя в руки. Не плакать...

О сыне она тоже не может говорить, слишком больно. О себе – проще.

– Что теперь будет с нами? – спрашивает она.

Чувствует, как Свелыг напрягается. Он тоже не знает.

– Твой муж теперь мертв, – говорит ей. – Тебя могут вернуть отцу. Но раз Хёнрир забрал тебя с собой, то, может быть, он отдаст тебя мне. Мы сможем быть вместе.

«Отдаст тебя мне», – это неожиданно задевает. Но разве не этого Эрлин хочет?

– Меня казнят за измену мужу, – говорит она. – Я заслужила это.

– Нет, ну что ты! – Свелыг обнимает, прижимая ее к себе. – Эрлин, не говори так! Все будет хорошо. Хёнрир не позволит им этого сделать.

Хёнрир... Его самого казнят за убийство. Как бы силен он не был, но у любой силы есть предел. Решение Совета выше воли лорда Синего Дома.

– Эрлин, я люблю тебя, – говорит Свелыг, обнимая ее.

– Я не вернусь домой, – говорит она.

Ей так хочется услышать, что теперь Свелыг женится на ней сам, что больше никому не отдаст. Даже если это неправда и Совет осудит ее. Просто услышать. Так хочется верить, что у них есть будущее. Тем более теперь, когда родился ребенок! Его сын!

Но Свелыг не может на ней жениться.

– Я тоже тебя люблю, – говорит она.

Ветер в лицо. Холодный весенний ветер, что пробирает до костей. Она ежится.

– Замерзла? – говорит Свелыг. Укрывает ее своим плащом, закутывает, обнимает. – Иди ко мне.

Его пальцы под плащом так задумчиво, словно невзначай, поглаживают ее бедро.

Это приятно даже... но думает Эрлин все о чем-то не о том.

Она смотрит на Хёнрира, который едет чуть впереди. Как он держит ее ребенка – бережно и уверенно вместе с тем, укрыв от ветра... как неизменно сосредоточенно его лицо, словно он где-то не здесь.

Свелыг говорит, его брат не знает ни жалости, ни сострадания, не пьет вина и не смотрит на женщин. Говорит, он вообще не человек.

И то испытание на арене, которое Свелыг никак не решится пройти, которое под силу не каждому воину... брат Эрлин едва не погиб, пытаясь доказать, что он мужчина и что достоин, ему удалось лишь со второго раза, в первом бою тварь чуть не убила его... Нет, Эрлин не может винить Свелыга, что он не готов пока... Но Свелыг говорит, Хёнрир убивает их с завязанными глазами. Не на публику, в подвале. Просто так. Свелыг говорит, самого Хёнрира вообще невозможно убить, его тело восстанавливается сразу, любые раны. Он не чувствует боли...

«Эрлин, поплачь. Ничего страшного... ты поплачь, и тебе станет легче».
Неправда. Человек, который сам не чувствует боли, не может понять чужой.

* * *

Впервые Эрлин увидела Хёнрира одиннадцать лет назад, когда он приезжал к ним в Олгер обсудить дела. Нет, возможно, она видела его и раньше, но раньше не отложилось в памяти, лишь мельком, издалека.

Эрлин была еще совсем девочка, ей едва исполнилось десять, она играла в куклы и слушала нянькины сказки о далеких королевствах. А Хёнрир уже тогда – лорд и глава Дома. Он хотел получить право командовать армией в очередном походе на Йорлинг и место главы Совета – все то, что и так должно было перейти к нему по праву, после смерти отца. Синий Дом – старший из Домов Леса. И пусть формально лорд Синего Дома лишь первый среди равных, но реально, уже несколько сотен лет – почти король.

Хёнриру было шестнадцать. И сиятельные лорды не хотели видеть мальчишку на троне. Они хотели видеть на троне себя. Ее отец, лорд Кенриль, точно хотел... но не вышло, Хёнрир не позволил им.

На тот момент у Хёнрира был уже четырехлетний военный опыт. Два года простым рыцарем и два года два во главе отряда. Опыт значил очень многое, для лесного лорда война – это вся жизнь. Да, еще в четырнадцать Хёнрир заслужил право считаться мужчиной и командовать людьми, пройдя ритуал и убив на арене свою первую тварь.

Но запомнила Эрлин не это, мало ли людей приезжает обсудить дела с отцом.

В тот вечер она сбежала от няньки, которая пыталась наказать ее, Эрлин никогда не была хорошей девочкой. Сбежала и спряталась в саду, уже темнело. И вдруг почувствовала запах крови. Совсем легкий, но это совершенно точно была свежая горячая кровь.

Эрлин пошла на этот запах без страха. Опасные дикие твари не могли проникнуть в отцовский сад, да и твари пахли иначе, а людей Эрлин тогда еще не боялась.

И вот там, за кустами ежевики, она нашла высокого тощего парня с ножом в руках. Она заметила его раньше, чем он ее, поэтому сразу спрятать нож парень не успел. Эрлин видела, как он проводит лезвием по руке, чуть выше запястья, и выступает кровь, так манящая ее. Всего пара мгновений, и края раны стягиваются...

– Что ты делаешь? – спросила она.

Вот спросить не успела раньше, чем парень заметил ее. Но он даже не попытался спрятаться или сделать вид, что ничего не было. Выпрямился, демонстративно равнодушно вытер нож листьями ежевики, сунул в ножны на боку. Словно все идет так, как надо.

– Кровь, – сказал он, показывая Эрлин руку. – Красная...

А вот голос парня подвел, дрогнул.

– Да, – сказала Эрлин. – Живая горячая кровь. Я пришла сюда на запах.

И подошла ближе, разглядывая его. Он был огромный... совсем взрослый и мальчишка одновременно. Равнодушное лицо, но такое безумное смятение в глазах.

Еще показалось – парень выдохнул с облегчением.

– Я не тварь, – сказал он. – Я пока еще жив, и могу сам решать за себя.

Затаенная боль, словно он пытался ей что-то доказать.

«Пока еще жив». Пока.

Это задело, кольнуло.

Да, она видела плотную сеть Леса, которая опутывала его. Не глазами, конечно, своим даром. Видела, что парню уже не выпутаться, Лес не отпустит, и день за днем будет вгрызаться глубже, пока полностью не захватит его, превращая в послушную, вечно голодную тварь. Но пока парень жив.

– Покажи еще, – попросила она.

Парень поджал губы, как-то отчаянно-упрямо, но колебаться не стал. Он взял нож и резанул по руке снова. Глубже на этот раз, едва ли не до кости. Алая струйка побежала по пальцам в траву.

– Хорошо, – сказала Эрлин. – А теперь дай нож мне.

– Зачем?

– Дай. Ты же не боишься?

Он фыркнул что-то невнятное, но нож протянул.

Эрлин потребовалось усилие, чтобы не испугаться, чтобы сделать то, что задумала. Это больно... Да, она подвернула рукав и резанула по руке себя.

Парень дернулся было, но...

– У меня тоже, – сказала Эрлин, изо всех сил попыталась улыбнуться. – Я такая же дочь Леса, как и ты, и у меня такая же красная кровь.

Протянула ему руку.

Капелька крови... Если постараться, ее рана может тоже затянуться на глазах, вдох-выдох, и уже только запекшаяся корочка.

Парень нахмурился сначала, напрягся, а потом вдруг засмеялся – немного нервно, но все же весело.

– Спасибо тебе, – сказал он искренне и так благодарно. – А то я уже начал думать, что схожу с ума.

Эрлин никому не сказала об этом, и потом, если бы ее спросили, не смогла бы объяснить, зачем это сделала. Просто показалось – так нужно, как бы странно это не выглядело.

Много позже она узнала, что Хёнриру пытались отказать в законном праве занять место отца не потому, что он мальчишка, и даже не потому, что у него слишком мало опыта для серьезных решений. Опыт у него, как раз, был. Ему говорили, что мертвый лорд не может быть главой Совета, а Хёнрир уже мертв, просто еще не осознает этого, ведь не все осознают сразу. Что Лес уже поглотил его.

Но тогда он, в свои шестнадцать, смог доказать им и справиться. Сначала на войне, как командующий, потом в Совете. Отец Эрлин обмолвился как-то, что уступил только потому, что решил – мальчишке недолго осталось. А его сестра, Хель, взрослая и прошедшая ритуал уже тогда, устраивала лорда Кенриля ничуть не больше – женщина не должна командовать. Лорд Кенриль надеялся, что Свельг подрастет...

Одиннадцать лет прошло, а Хёнрир все еще жив. И дело даже не том, какого цвета его кровь. Крови Эрлин больше не видела. Зато она видела его глаза.

И сеть Леса, что плотно опутывает, видела тоже.

Она слышала эти сплетни... говорят – Хёнрир родился слепым. И хромым вдобавок, почти без одной ноги. Если приглядеться, даже сейчас видно, как сеть опутывает левую ногу, от бедра вниз, куда плотнее.

Только отцу Хёнрира наследник-калека был не нужен, и он отдал сына Лесу. Лес все исправил...

Но Лес не отпустит.

* * *

– Иди сюда! – требует Хёнрир, глядя на Свельга.

Свельг идет, заметно подобрившись, наигранно равнодушно.

Эрлин подходит тоже. После дня в седле все тело ноет и подгибаются ноги, так хочется упасть и не вставать больше...

Вечер, ставят шатры.

– Возьми его, – говорит Хёнрир Свельгу. – Нужно быстро подхватить потоки и подпитать своей силой. Сейчас он чуть-чуть восстановится, и я замкну все на него, будет проще. Возьми.

Свельг заглядывает, берет неуверенно, словно это не ребенок, а лесная тварь, готовая сожрать его... Осторожно, но как-то...

– Он хоть еще жив? – интересуется, едва ли не усмешка в голосе. И Эрлин кажется, еще немного, и что-то сорвется в ней, она... не позволит.

– Да, – говорит Хёнрир, холодно, без всяких эмоций.

Эрлин без эмоций не может. Да, она видит, как тяжело, почти неестественно дышит ее ребенок, с хрипом, глухим бульканьем, это так страшно... едва не задыхаясь. Он почти синий, у него выпуклый бордовый шрам через все личико... а с правой рукой... там совсем плохо... словно неживая уже.

Свельг берет неуклюже, в его руках ребенок дергается, ворочается, хватая ртом воздух. Так, что сердце сжимается и хочется отобрать.

– Можно я? – спрашивает Эрлин. – Я могу тоже.

– Подождите, леди Эрлин, – говорит Хёнрир. – Вам нужно поужинать и хорошенько выспаться сегодня, иначе завтра не встанете в дорогу.

– А мне ужинать не надо? – удивляется Свельг?

Хёнрир поворачивается к нему и смотрит в упор, так, что даже Эрлин хочется провалиться сквозь землю.

– Это твой сын, мать твою, – говорит он. – Ты хоть понимаешь это?

Свельг чуть пригибается под его взглядом, инстинктивно. Он почти на голову меньше Хёнрира, и сейчас, рядом с братом выглядит совсем ребенком, хотя разница-то всего пять лет.

– Если это мой сын, то разве не мне решать? – спрашивает он. – Я не вижу смысла тянуть его и тратить силы, сейчас он жив только потому, что ты привязал его к себе. Но если ты отпустишь, он не продержится и часа. Сколько еще держать? Он не выживет. А если выживет, ты уверен, что потом сможешь отпустить полностью? Твоя сеть прорастет в него, и что потом? Он станет твоей личной послушной тварью? Но даже если сможешь отпустить, то, в лучшем случае, он останется калекой, у него от правой руки и так, считай, ничего не осталось. Зачем?

Хёнрир молча и даже почти равнодушно забирает ребенка у Свельга из рук.

– Ты ничего не решаешь, – говорит он. – И еще, хочу предупредить, Свельг. Как твой лорд, я должен наказать тебя, ты нарушил закон. Ты отправишься в Черную Башню Альвенрона, и останешься там до тех пор, пока не будешь готов стать мужчиной.

Лицо Свельга вытягивается и белеет на глазах.

– Ты не можешь так поступить со мной! Ты не можешь заставить меня выйти на арену!

– Не могу, – соглашается Хёнрир. – Но если не хочешь, думаю, твоя смерть так же устроит Совет. Я не вижу смысла тратить силы и дальше возиться с тобой. Один, без поддержки, ты никто, Золотой Змей. Можешь идти отдыхать.

Свельг поджимает губы, сжимает пальцы. Эрлин видит, как буря кипит в нем, но ему действительно нечего сказать, он обязан подчиниться. Он ничего не может с этим поделать. Но если бы он вышел на арену и доказал свое право...

– Идем, Эрлин! – зовет Свельг.

Эрлин качает головой.

Она не уйдет, пока ее не прогонят силой, еще так многое нужно понять. Ее ребенок у Хёнрира на руках затихает, начинает дышать ровнее, и даже тихонько причмокивает во сне.

– А его не нужно покормить? – спрашивает Эрлин осторожно. – Он ведь ничего не ел с самого утра.

Чувствует себя наивной курицей.

А Хёнрир вдруг улыбается. Нет, на самом деле это сложно назвать улыбкой, лишь чуть вздрагивают уголки губ, но так отчетливо теплеют его глаза.

– Пока не нужно, – говорит он. – Сейчас достаточно Силы, но завтра к утру, думаю, понадобится и ваша помощь, леди Эрлин. Я принесу его, чтобы вы покормили.

Хорошо...

Эрлин немного страшно, но она все равно подходит ближе, совсем близко, даже чуть-чуть привстает на цыпочки, и Хёнрир сам опускает руки, поворачивая ребенка к ней, чтобы было легче видеть. Снова попросить взять на руки Эрлин не решается, только, быстро глянув на Хёнрира: «можно?» осторожно гладит ребенка по лбу, по щечке, кончиками пальцев. Ей так важно почувствовать, что он еще жив.

– Как вы назовете его, леди Эрлин?

Она не знает. С самого начала была уверена, что ее сын, как и она сама, обречен.

– Придумайте ему имя, – говорит Хёнрир. – Это поможет зацепиться, хоть как-то. Чем больше будет его держать здесь, тем лучше.

– Да, я подумаю, – говорит она.

Поднимает голову, заглядывая ему в глаза. Немного страшно... Глаза у Хёнрира темно-серые, почти черные, и длинные черные ресницы... уже заметные синеватые круги под глазами. На самом деле, если бы столько силы, сколько Хёнрир уже отдал ее сыну, вытянуть из нее самой, Эрлин бы умерла, это выжало бы ее досуха.

– Он останется без руки, да? – тихо спрашивает она. Ей важно знать.

Хёнрир едва заметно вздыхает.

– Вам нужно понимать, леди Эрлин, я могу попытаться восстановить все сразу, не пытаюсь сосредоточиться на самом важном, но плетение сети придется усилить... плотнее и глубже. И на это понадобится куда больше времени. В разы. За это время мои нити успеют прорасти в него, я и даже сам не уверен, что смогу полностью отпустить и вытащить все. Если прорастет слишком глубоко, то выдрать можно только снова ломая руку, возможно, ломая даже больше, чем сейчас. И тогда в этом никакого смысла. И раз уж стоит выбор между тем, чтобы потерять руку или потерять собственную волю, то я, пожалуй, предпочел бы остаться без руки.

Смотрит ей в глаза, очень внимательно, словно ждет ответа.

Она имеет право что-то решать? Хёнрир позволит решить ей?

А ведь все, что он говорит, касается и его самого. Кому знать, как не ему.

– Да, – тихо говорит Эрлин, хотя в горле встает ком. – Вы правы, лорд Хёнрир.

Он чуть заметно облизывает губы. Эрлин стоит так близко, что чувствует его тепло, его дыхание. Запах дубленой кожи, лошади и пота... у него волосы на висках мокрые, мелкие капельки на лбу – нелегко пришлось, и нужно отдать еще очень много.

– Знаете, – говорит Хёнрир, – возможно, когда ваш сын подрастет, он справится и сам. Хель как-то отрастила себе новое ухо, которое отгрызла тварь. И даже два пальца на левой руке, которые потеряла в бою... правда новые пальцы почти не гнутся. Но, возможно, вашему сыну удастся большее.

Слезы наворачиваются на глаза, и Эрлин ничего не может с этим сделать.

– Спасибо вам, – говорит она.

– Пока рано благодарить, леди Эрлин, – говорит он. – Еще ничего не решилось. Вы идете, отдохните пока. Вон там, у костра, уже готовят ужин. Поешьте и поспите хорошенько, силы вам понадобятся.

Глава 3. Долгая ночь

– Эрлин... прости... – Свелыг тихо подходит, обнимает ее сзади за плечи, пытается прижаться подбородком к ее щеке.

Она вытягивается в его руках, напрягаясь, отворачиваясь.

Не стоит.

– Эрлин? – зовет он.

Она качает головой. Это не обида, но она не может и не хочет говорить сейчас.

Свелыг не отпускает, только нежно поглаживая ее, прося прощения.

– Я думаю, Хёнрир прав, – говорит он. – Мне действительно давно пора пройти ритуал, получить все права. Тогда я смог бы жениться на тебе.

Целует ее у виска.

Она зажмуривается, губы дрожат.

– Ну что ты, Эрлин? Плачешь, да? Ну, не надо... Все будет хорошо.

Не сейчас.

– Эрлин?

Свелыг касается губами ее скулы, так безумно нежно, и потом еще, чуть ниже. Его руки обнимают ее.

Нет... сжимается сердце.

– Я назову его Бьярни, – говорит Эрлин, – он вырастет большой и сильный, как медведь. Чувствует, как Свелыг качает головой.

– Мы поженимся, и у нас будет много детей.

Эрлин не хочет много, она хочет этого.

– Отпусти, – говорит тихо, пытается освободиться из его объятий.

Он не отпускает.

– Что не так, маленькая? Ты все еще обижаешься на меня? Но я только сказал правду. То, что делает Хёнрир – не очень правильно и даже опасно. Иногда лучше позволить человеку умереть, чем опутать его своей сетью и подчинить волю. Это лишние страдания и для него и для окружающих. Хёнрир и сам должен бы понимать это.

– Отпусти, пожалуйста, – говорит Эрлин. – Я не обижаюсь. Мне просто нужно побыть одной.

Свелыг лишь обнимает крепче.

– Я так скучал, Эрлин. Я так скучал без тебя... Мы же почти три месяца провели в Ивиле, в этой грязи, на морозе, пока взяли крепость. Всю зиму. Я всю зиму не был дома, Эрлин... я так устал. Это так выматывает, когда ждешь нападения каждую ночь, когда не знаешь – сможешь ли выжить, или завтра тебя убьют. Когда кругом кровь... Люди сходят с ума от крови, удержаться почти невозможно. Ты даже не представляешь, как это страшно... Когда твари постоянно рядом с тобой, в железных клетках, и ты чувствуешь эту вонь разложения почти непрерывно, она въедается... Ты видела, как дикие голодные твари рвут людей на части? Я до сих пор не могу спать... Эрлин, только мысли о тебе помогли мне выжить в этом кошмаре. Ты нужна мне...

Его теплые губы на ее коже, так требовательно... И по щеке уже катится слеза.

– Ну, что ты, Эрлин, не плачь. Ты же такая сильная, я всегда так восхищался тобой!

Она пытается не плакать, но не может... тихо, вздрагивая, закусив губу. Слишком много всего случилось сегодня, слишком страшно. Не так, как на войне, конечно, но для нее страшно все равно. Вся ее жизнь перевернулась, и как быть дальше – не понять.

– Эрлин, – он пытается развернуть ее к себе и поцеловать в губы.

Элин упирается ладонями в его грудь. Что ей делать?

Она трофей и пленница здесь, Хёнрир захватил ее и увез с собой. Какими бы не были его намерения, но сейчас она пленница. Пленница Хёнрира.

– Эрлин, ну, что ты?

– Отпусти, или я буду кричать, – твердо говорит она.

– Что? – он даже не верит.

– Отпусти меня, или я буду кричать, – повторяет она.

Обида и злость мгновенно вспыхивает в глазах Свельга. Он не привык, чтобы с ним так.

Отпускает, разжимает руки, окидывая ее презрительным взглядом.

– Как хочешь, – говорит холодно.

Эрлин уходит в сторону, садится у высокой, одинокой сосны. Далеко отходить не стоит, иначе решат еще, что она хочет сбежать. Но и подходить к костру не хочется тоже, иначе не избежать вопросов и лишних разговоров.

Здесь не вся армия, лишь небольшая часть, личная гвардия Хёнрира, они заняли небольшую поляну под лагерь.

Ужин готовится на костре.

Нет, она не голодна...

Эрлин сидит, обхватив колени руками... к ночи становится холодно. Она бы пошла спать, но придется делить постель со Свельгом... другого ей не предлагали.

Она видит, как Свельг сидит у костра, демонстративно не глядя в ее сторону, ест что-то горячее, так сладко пахнущее...

Она видит, как Хёнрир подходит, говорит о чем-то с братом, со своими людьми. Все так же, держа ребенка одной рукой. Чей-то плащ свернут и закинут у него на плече. Он протягивает миску, чтобы ему налили тоже, берет ложку, идет к Эрлин.

– Леди Эрлин, – говорит он, – я принес вам ужин, – протягивает, так легко и естественно, словно это самое обычное дело для главы Совета. – Тут бобы с мясом. Не самое изысканное блюдо, но лучше, чем ничего.

– Спасибо, – говорит она, берет миску из его рук, чуть коснувшись, случайно, пальцами его пальцев. – Не стоило...

Но ей нужны силы, он прав. Ей нужно поесть и поспать, а потом забрать у Хёнрира своего ребенка. От запаха еды в животе начинает урчать.

– И плащ возьмите тоже. Держите. Укройте сами, хорошо? А то у меня заняты руки.

У него это выходит так просто.

– Спасибо.

Хёнрир кивает, и, кажется даже, сейчас уйдет.

– Леди Эрлин, – все же, говорит он, – если хотите побыть одна, вы можете сегодня спать в моем шатре, я найду себе другой.

– А как же вы?

Он едва заметно и чуть кривовато ухмыляется.

– Это же мой лагерь, леди Эрлин, так что я разберусь. Свельга подвину, если понадобится.

Глупо отказываться. Она кивает, благодарно.

Ее ребенок у него на руках.

– Спасибо, – снова говорит она... чуть-чуть неловко... И все же... – Я...

Она хотела спросить, что теперь будет с ней, но отчего-то не выходит.

– Лорд Хёнрир, – вместо этого говорит она, – я назову его Бьярни.

– Отлично, – говорит он. – Это правильно.

Потом поворачивается и уходит снова к костру, к своим людям.

А Эрлин заворачивается в теплый шерстяной плащ.

* * *

Она так и не смогла уснуть.

В его шатре, в его постели. Это было так странно, словно... Эрлин пыталась понять, что так смущает ее, но не выходило. Чужой запах?

Слишком много всего случилось за этот день.

Она долго лежала, обхватив колени руками, свернувшись... Потом уткнувшись носом в подушку – хотелось плакать, но слез не было, и это просто разрывало ее. Боль камнем свернулась внутри.

Потом Эрлин лежала и слушала, как в лагере затихают голоса, все расходятся спать. Безмолвное гудение леса – здесь, ближе к Торенхоллу, лес пустой, не слышно птиц. Слушала, как начинает тихо моросить и перестает дождь.

Не уснуть.

Потом она встала...

Хёнрир так и сидит у едва тлеющего костра, в одиночестве, все разошлись.

Эрлин тихо подходит. Он поднимает на нее глаза, кивает, предлагая сесть рядом.

– Не спитесь, леди Эрлин?

– Нет, – говорит она. – Вы тоже не спите, лорд Хёнрир?

– Мне сейчас не стоит спать, – говорит он. – Иначе можно упустить и сорвать все, что сделал за день. Садитесь. Думаю, вы вовремя. Ваш Бьярни, похоже, проголодался, одной магии ему уже не достаточно. Возьмите.

У него темные круги под глазами и осунувшееся лицо, вот так за день он словно прибавил лет десять.

Хёнрир встает.

– Вот... – говорит он тихо, отдавая ей сына, – и потоки подхватить сможете? Без магии ему все равно пока не обойтись. Но если так пойдет и дальше, завтра к вечеру я смогу свернуть свою сеть, хотя бы частично. Но его все равно придется еще держать на руках, без сети – только личный контакт. Тише, леди Эрлин... не надо так сразу. Голова кружится? Не пытайтесь дать ему все, что он хочет взять, дайте столько, сколько можете.

Голова, да...

Хёнрира самого немного пошатывает, как бы силен он не был.

Стоит лишь взять ребенка на руки, подхватить, как он рывком начинает тянуть магию с такой голодной силой, что Эрлин становится страшно. Нужно немного времени, чтобы взять себя в руки, выровнять поток, прикрыть лишнее, иначе надолго ее сил не хватит.

А Хёнрир, передав, выпрямляется, потягивается всем телом с таким нескрываемым наслаждением, что становится чуточку стыдно. И все же, Эрлин улыбается.

– Спина затекла, – отвечает Хёнрир на ее незаданный вопрос, чуть заметно ухмыляется, разминая руки. – Вы покормите его, Эрлин, и он успокоится, не будет так сильно тянуть из вас силу. Он просто голодный. Можете не уходить, укройтесь плащом, здесь все равно кроме нас больше никого нет.

Это немного смущает. Еще сутки назад ей бы и в голову не пришло. Лорд Хёнрир совсем чужой мужчина, и вот так... Но уходить не хочется. Рядом с ним немного спокойнее и легче.

Эрлин все равно краснеет, укрываясь плотнее, распуская шнуровку платья под плащом. Чувствуя, как ее малыш находит грудь, как довольно и жадно присасывается...

Хёнрир смотрит в сторону. Долго сидит молча, не мешая ей.

– Леди Эрлин, – говорит он наконец, и без всяких предисловий, без хождения около, – вам предъявят обвинения в измене мужу, это серьезно. Но, поскольку я вмешался и не дал вашему мужу убить вас, то ответственность ложится на меня. Так что не бойтесь, вас не нака-

жут слишком сильно. Ваш сын пока останется в Торенхолле, вы можете вернуться домой или остаться вместе с ним.

Домой она не вернется. От этой мысли передергивает, обдает ужасом. Отец не простит ей...

– Я останусь с сыном, – говорит она.

– Хорошо, – говорит он. Бросает на нее быстрый взгляд и отворачивается снова.

– А что будет с вами, лорд Хёнрир, – набравшись храбрости, спрашивает она.

– Со мной? – он удивляется. – Со мной ничего не будет.

Это звучит самонадеянно, но в его голосе не самонадеянность, а усталость.

– Вас будут судить...

За убийство Ареда, за все... тем более, если ее вина ляжет и на него тоже. Вина Свельга.

– На мне и так висит парочка смертных приговоров, что-то снимают, за заслуги, что-то вешают снова. Если бы они могли убить меня, то давно бы это сделали, – говорит он, проводит ладонью по лицу, трет глаза.

– Они боятся вас, лорд Хёнрир.

– Боятся, – соглашается он.

Когда Хёнрир убил Ареда – ни один из людей ее мужа не попытался помешать ему, защитить или хоть отомстить за своего лорда. Они все стояли и смотрели. Не потому, что боятся. Наоборот – боятся именно поэтому, он слишком крепко держит их. Даже отец признавал – Хёнрир единственный, кто способен удержать в повиновении войско на поле боя, когда кругом кровь, не допуская беспорядочно резни.

– Если бы я мог, я бы сам убил их всех, до единого, – говорит он.

Эрлин вздрагивает. В этом столько откровенной холодной ненависти, что становится нехорошо. Не кого-то лично, но всех лордов Леса.

– Но вы спасли моего сына, – говорит она. – Спасли меня.

Он кивает.

Вздыхает потом.

– Простите, леди Эрлин, мне не стоило... это только мои личные отношения с Лесом, вы тут не причем.

Видно, как он сжимает зубы, желваки дергаются.

Немного не по себе.

– А что будет со мной? – спрашивает она, скорее, чтобы просто сменить тему. – Свельг сказал, что вы можете отдать меня ему?

– Отдать ему? – Хёнрир устало удивляется, потом поворачивается, смотрит на нее. – Вы же не вещь, леди Эрлин.

– Женщине не приходится выбирать...

Он тихо фыркает.

– Если бы я сказал такое своей сестре, она бы свернула мне шею, не раздумывая.

Хель прошла ритуал, убив тварь на арене. Да, считается, что женщинам это не нужно, но закон позволяет. Хель имеет право сама говорить за себя и возглавлять войско. В случае смерти Хёнрира, если Свельг к тому времени еще не сможет доказать свое право, Хель станет главой Совета.

И никто не смеет ей указывать.

Хёнрир вздыхает.

– Не знаю, что с вами будет, и что вам делать дальше, леди Эрлин, – говорит он. – Я не планировал спасать вас, не планировал вмешиваться. И что делать дальше я пока не решил. Вы не волнуйтесь, как бы там ни было, вам и вашему сыну ничего не угрожает, я уже сказал, – тихо фыркает. – Но вы со Свельгом попутали все мои планы.

– Вы не знали? – спрашивает она, и прикусывает язык, это какой-то глупый и неуместный вопрос.

– Да нет, я знал, – говорит он. – И то, что ваш муж был тварью, и то, что Свелыг бегал к вам... Я просто был уверен, что это не мое дело. И еще, наверно, что это пойдет Свелыгу на пользу.

– На пользу?

Чуть передергивает от таких слов.

Хёнрир задумчиво облизывает губы, качает головой.

– Да. Он мой брат, и ему давно пора повзрослеть. А когда есть за что сражаться и кого защищать, кроме себя, – это многое меняет. Но я думаю, все к лучшему.

Глава 4. Торенхолл

– Только не говори, что это твой, – Хель стоит на крыльце, встречая их, недоверчиво разглядывая Хёнрира с ребенком на руках.

– Это Бьярни, сын Свельга, – Хёнрир спрыгивает с коня. – Посмотри какой.

Хель подходит, напряженно вытянувшись. Заглядывает.

Высокая красивая женщина, волосы черные, как воронье крыло, уже не девочка, почти на пятнадцать лет старше Хёнрира. Она королева без всяких сомнений.

– Рыжий... – какое-то мгновение она улыбается, но тут же так резко и страшно меняется ее лицо. – Что ты сделал с ним?! Отпусти его!

Хель видит паутину, которая опутывает ребенка.

Даже дергается, словно пытаюсь отобрать, но Хёнрир не отдаст.

– Если я отпущу, он умрет, – говорит очень спокойно.

Хель вглядывается напряженно, ей не нравится. Потом бросает быстрый взгляд на Свельга, который тоже уже спрыгнул с лошади и идет к крыльцу, но не к Хель даже, скорее к матери, что стоит чуть дальше – прекрасная и золотоволосая Айлин.

– Я убил Ареда, – тихо говорит Хёнрир, – прямо в его доме.

Хель вздрагивает.

– Ты ненормальный? Зачем?

– Так вышло, – Хёнрир пожимает плечами.

Эрлин видит, как Свельг обнимает мать, как та целует его, гладит по волосам. «Мой хороший, я так скучала! Как ты?»

– Вот придурок, – говорит Хёнриру Хель. – Ты же понимаешь, чем это может для тебя закончиться? Еще и жену его забрал, – она кивает на стоящую рядом Эрлин. – Кенриль тебя сожрет.

– Зубы сломает, – говорит Хёнрир.

– Ладно, мы еще поговорим, – говорит Хель, тяжело вздыхает. – Пойду, обниму этого бестолкового Змея. Ему что, до ребенка совсем дела нет? Как он держался?

– Подальше, – говорит Хёнрир.

Хель насмешливо фыркает, словно другого и не ожидала.

– Леди Эрлин, – Хёнрир кивает ей. – Идемте, я покажу вам ваши покои.

Эрлин послушно идет, видит, как Хель весело обнимает Свельга, треплет его по волосам.

* * *

– Леди Эрлин? – Хель зашла к ней перед сном.

Эрлин успела принять ванну с дороги, переодеться, поужинать. Ребенка Хёнрир забрал, позволил лишь покормить, и утащил с собой. Эрлин не пыталась спорить... Вернее, пыталась, но не слишком настойчиво, он не желает слушать. К тому же, Хёнрир сейчас может дать ее сыну куда больше, чем она сама. К ночи он обещал принести его.

– Как устроились, леди Эрлин?

Хель присматривается к ней.

– Благодарю вас, леди Хель. Все хорошо.

– Давайте сядем, я хочу поговорить с вами. Не смущайтесь так, я не собираюсь вас ни в чем обвинять, и ваши отношения с мужем – не мое дело. Я хочу только понять, как поступать дальше.

Эрлин все понимает, и тоже хочет понять, что ее ждет. Слишком все шатко.

– Меня будут судить за измену мужу? – говорит она.

– Будут, – соглашается Хель. – И вас, леди Эрлин, и Свельга, и Хёнрира тоже, как убийцу вашего мужа. Его – в первую очередь. Ваш отец не упустит такого случая, ослабление Синего дома ему на руку. И Хёнрир прав, ваш ребенок нужен нам, как возможный наследник, если, конечно, он сможет выжить и, в дальнейшем, стать достаточно силен, чтобы одолеть тварь на арене. Он должен вырасти, стать мужчиной и получить все права, иначе в этом нет никакого смысла. Айлин готова признать его, как внука. Свельг тоже признает, официально, на суде. Ваш сын останется в Торенхолле в любом случае, думаю, Хёнрир уже сказал вам.

– Да, – Эрлин кивает.

«Свельг тоже признает» – чуть задевает занозой с сердце. Так, словно он не хочет, но его заставят. Это же его сын!

– Свельг сказал, что собирается жениться на вас, – говорит Хель, так внимательно Эрлин разглядывая. – Полагаю, вы тоже должны этого хотеть?

Эрлин чуть кусает губы.

Должна. Она изменяла мужу со Свельгом, сама желала его любви, родила от него сына... Так что же произошло теперь? Все от того, что Свельг не попытался помочь ей? Что он мог? Убить Арета? Он бы не справился... Взять своего сына на руки, поделиться своей силой... он мог бы. Хоть просто взять.

– Я не знаю, – честно говорит Эрлин. Сейчас она не готова дать ответ.

Хель кивает.

– Есть вещи, которые красиво блестят издалека, – говорит она, – но стоит подойти ближе, и сразу видишь, чего они стоят. Я люблю Свельга, он мой брат, он вырос на моих глазах, я многому научила его... я была ему скорее матерью, чем сестрой. Но это не значит, что я не понимаю. И все же, вы хотите остаться здесь, со своим сыном?

– Да. Если мне позволят.

Возможность остаться с Бьярни – единственное, что сейчас по-настоящему важно для нее.

– Я понимаю ваши чувства матери, – говорит Хель, – и именно поэтому советую вам, леди Эрлин, согласиться на предложение Свельга и подтвердить для всех, что вы выйдете за него замуж. По крайней мере, придерживаться этой версии до суда и окончательного решения по этому делу. Это даст вам законное право остаться здесь. Вы будущая жена Свельга и мать его ребенка, вы ожидаете только момента, когда Свельг сможет пройти ритуал. Иначе у вашего отца будут все основания потребовать вернуть вас домой. Это в ваших же интересах.

Да, Эрлин понимает, но...

– До суда? А потом?

– Решать вам, леди Эрлин. Я знаю, Хёнрир сказал вам, что вы можете остаться, не оговаривая никаких условий. И он не позволит вас забрать, он не привык выпускать добычу из рук. Но, без законных оснований, это может слишком дорого обойтись, ему и так придется за многое ответить. Поэтому всем, даже Хёнриру... и, пожалуй, ему в первую очередь, говорите, что хотите выйти замуж за Свельга. Всегда хотели... неважно почему, сердцу не прикажешь, он отец вашего ребенка. Хёнрир слишком прямолинеен, и скорее пойдет напролом, чем согласится на игру, но это повредит вам обоим. До суда. Никто не заставит вас выйти замуж силой, не волнуйтесь. И у вас будет время спокойно подумать. Еще большой вопрос – отважится ли Свельг на ритуал.

– Да, – говорит Эрлин, – я так и сделаю.

Это действительно разумно, именно то, чего будут ожидать от нее. Она сделает, подыгрывает. Она хочет остаться и делает все.

На самом деле, Хель пытается защитить брата, это нельзя не понять. Пытается уберечь его от необдуманных рискованных решений... Хёнрир и так сильно подставился. Из-за Эрлин. И сейчас она должна помочь, не заставляя его брать на себя еще и это.

– На суде вы расскажете, леди Эрлин, – говорит Хель, – какой тварью был ваш муж, и как он издевался над вами. О том, как вы боялись его. И о том, как он попытался вас убить. Вы позвали на помощь, Хёнрир успел спасти вас и вашего сына. Все ведь было именно так?

– Да, все было именно так, – говорит Эрлин.

Хель улыбается.

– Рада, что вы меня понимаете. И будьте чуть снисходительнее к Свельгу. Иначе вам не поверят.

* * *

Хёнрира нет до самой ночи, Эрлин начинает беспокоиться.

Но он тихо стучит в дверь.

– Леди Эрлин! Вы не спите?

Сама подбегает, открывает ему.

– Нет. Я жду вас, лорд Хёнрир.

Отступает в сторону, пропуская его.

В первое мгновение кажется – он пьян, Хёнрира слегка покачивает, и взгляд такой... словно сквозь нее... белые губы и вконец осунувшееся лицо.

Нет, он не пил, дело не в этом.

Бьярни не спит, только тихо ворочается у него на руках, причмокивая.

– Я принес вашего сына, – говорит Хёнрир. – Возьмите. Он голодный.

Эрлин кивает, быстро подхватывает ребенка.

Хёнрир чуть морщится, устало.

– Я вытащил всю сеть, – говорит он, опираясь о стену рукой. – Аккуратно вытащил, не волнуйтесь. Все хорошо. Вы посмотрите еще, на всякий случай, вдруг я чего-то не заметил. Должна остаться лишь одна сигнальная нить, если вдруг что-то пойдет не так, я почувствую. Потом уберу и ее. Так что теперь только личный контакт.

Он моргает, пытаясь собраться. Для того, чтобы свернуть сеть иногда надо куда больше усилий, чем для того, чтобы ее построить.

– Вам нехорошо, лорд Хёнрир? Может быть, сесть...

– Нет, все нормально. Я сейчас пойду... – Хёнрир морщится. – Эрлин, вы держите его на руках, по возможности, тогда он сможет понемногу тянуть вашу силу, своей ему пока не хватит. Но не бойтесь оставить ненадолго, если понадобится, за полчаса-час с ним ничего не случится. Когда вы... – он зажмуривается на мгновение. – Когда вы будете спать, просто положите рядом, постарайтесь касаться рукой, этого достаточно. И можете спать спокойно.

– Да, конечно, – говорит она. – Спасибо вам.

Хёнрир еще стоит, словно размышляя – уйти сейчас, или сказать еще что-то. Уже почти собирается уходить, когда в дверь стучат.

– Лорд Хёнрир, – заглядывает кто-то из слуг, – пришел Свельг, он хочет поговорить с леди Эрлин.

Эрлин поджимает губы, почти неосознанно мотает головой – она не хочет сейчас никаких разговоров. Если Свельг начнет говорить что-то про свадьбу, она должна будет согласиться, и тогда он... Не сейчас. Она тоже устала и ей сейчас не до поцелуев.

Хёнрир бросает на нее быстрый взгляд, напряженно вытягивается.

– Скажи ему, пусть проваливает, – отвечает слуге. – Уже поздно. Леди Эрлин надо отдохнуть.

И очень уверенно проходит, садится в кресло у камина. Свельг не зайдет, пока он здесь. Хозяин.

Эрлин так и остается стоять, с ребенком на руках. Бьярни тихо попискивает, крутит головой... голодный.

– Садитесь, леди Эрлин. Не смущайтесь. Мне тоже нужно поговорить с вами, а завтра, возможно, не будет времени.

Он не уйдет. И даже не важно, насколько ему нужно поговорить именно сейчас, но дело не в важном разговоре, дело в Свельге, что стоит за дверью.

Ладно. Эрлин не будет смущаться, выбора все равно почти нет, да и не в первый раз уже. Это так странно, но... За последние пару дней она поняла – ей почти все равно, что о ней думают. Это не важно... Садится чуть спиной к Хёнриру, вполоборота, берет покрывало, укрывается им вместе с ребенком. Если лорду нужно что-то сказать ей – она послушает, но сейчас у нее есть и другое важное дело.

Видит, как Хёнрир чуть заметно улыбается.

– Свельг говорит, что хочет жениться на вас.

Да... она обещала Хель...

– Да, – говорит Эрлин, – и я очень рада этому.

Хёнрир хмыкает.

– И вы выйдете за него замуж?

– Да, если он станет мужчиной.

Звучит довольно двусмысленно, но это именно то, что Эрлин хочет сказать. Совсем уж врать в глаза она не станет.

Хёнрир хмыкает снова, чуть более весело в этот раз, оценив.

– Хорошо, – говорит он. – Это даст вам право остаться здесь, леди Эрлин. А так же, возможно, поможет заслужить снисхождение на суде вам обоим. Свельгу давно пора пройти ритуал, и намерение жениться может подтолкнуть его. Но брак – это серьезный шаг, и теперь у вас есть возможность решать...

– Вы думаете, у меня будет слишком мало времени все обдумать, лорд Хёнрир.

Он усмехается с пониманием, откинувшись на спинку кресла, потом вздыхает.

– Эрлин, скажите честно, не оглядываясь на то, что выгодно и необходимо, вы сами хотите этого?

– Да, – почти твердо говорит она. – Хочу. Мы поженились бы и раньше, если бы это... было возможно. Мы познакомились три года назад... – Эрлин слегка запинаясь, ведь познакомились на той, неудавшейся свадьбе Хёнрира. – Свельг пригласил меня танцевать, и потом мы гуляли в саду. Он был так мил и так... прекрасен. Я влюбилась в него уже тогда.

Чистая правда. Нежный и чувственный Свельг так отличался от тех мужчин, которых Эрлин знала: от отца, от брата, всегда холодных и резких. Даже от матери она слышала куда меньше нежных слов, чем от Свельга. Возможно, ей просто не хватало внимания и любви...

– Свельг умеет очаровывать девушек, – тихо говорит Хёнрир.

Умеет. С ним было так приятно и хорошо. Его ласки и его поцелуи...

А потом, когда Эрлин выдали замуж за Арета, и стало совсем невыносимо – любовь Свельга была единственным утешением.

Так что же теперь?

– Я всегда любила только его, – говорит Эрлин, словно пытается убедить саму себя.

Но ведь это действительно так.

Три года назад она была совсем юной, у нее не было никакого опыта. А потом... она тоже не знала никого.

– М-мм, – говорит Хёнрир.

И еще, Эрлин уверена: что бы не случилось – Свельг не причинит ей зла. Да, возможно он не способен вступить за нее, взять на себя ответственность. Но он и не обидит, не ударит, не сделает ей больно, как Арет. Никогда. Природа дара Свельга такова, что он почти не подвержен

влиянию Леса, почти не слышит его зов, даже запах крови оставляет его равнодушным. Да, это делает Свельга плохим воином, но его самого Эрлин может не бояться. Только нежность. Она уже достаточно натерпелась...

А с ребенком... Мать говорила ей – иногда мужчине нужно время осознать, что он стал отцом. Мужчина не вынашивает девять месяцев под сердцем и не рождает. И ему нужно дать время, чтобы почувствовать это.

Бьярни жадно и сосредоточенно сосет молоко, чуть причмокивая, поглаживая ее ладошкой. Шрам на его личике превратился лишь в темную полоску, щечки порозовели. Он будет жить – теперь Эрлин почти не сомневается в этом. А рука... ничего, возможно, со временем все можно будет исправить. Даже с одной рукой – она все равно будет любить его. Свельг тоже полюбит.

– Может быть, Свельгу просто нужно время, – тихо говорит Эрлин. – Может быть, он станет прекрасным отцом.

Скорее для себя, чем для Хёнрира.

Хёнрир не отвечает.

Эрлин оборачивается к нему...

Он сидит в кресле, откинувшись на спинку, закрыв глаза... Спит? Слишком много сил пришлось отдать, и вчерашняя бессонная ночь... Он едва стоял на ногах.

– Лорд Хёнрир? – осторожно зовет она.

И что теперь делать?

Он не слышит ее.

Видно, как дышит – ровно и глубоко.

Подождать? Он проснется сейчас. Он же не может остаться тут на всю ночь?

Но пока она кормит Бьярни, наверно, не важно? Возможно, он проснется сам.

Эрлин ждет.

А потом?

Бьярни успевает наестся и тихо уснуть у нее на руках, сладко посапывая. Ей бы тоже пора раздеться и спать, но она не может... Как-то странно и даже неправильно раздеваться и спать при чужом мужчине... но и в одежде ложиться глупо.

Да и глупо, на самом деле, неудобно спать в кресле. Комната Хёнрира совсем рядом, стоит разбудить его, и пусть идет спокойно спать к себе, в кровати ему будет куда удобнее.

Эрлин осторожно подходит, касается пальцами его руки.

– Лорд Хёнрир...

Он хмурится во сне.

– Лорд Хёнрир, – она легко трясет его за плечо.

Но даже не успевает понять, каким образом вдруг все меняется.

Что-то в его лице... вздрагивают ноздри, он словно принюхивается. И открывает глаза. Почти черные – огромные расширенные зрачки, такой мрак... и тихий хриплый рык сквозь оскаленные зубы.

Эрлин пятится. Это так страшно, что хочется заорать. Она видела это не раз – такой взгляд, такое лицо. Не Хёнрира, конечно, своего мужа. Когда тварь берет верх.

Пятится. Все сжимается внутри. И крик встает поперек горла, она слишком хорошо помнит: «Заорешь – убью! Только посмей кого-то позвать!» Но нужно защищаться, Эрлин пытается выставить щит, приготовиться. Она всегда знала, чего ожидать от мужа, но не понимает, чего ожидать сейчас. Аред насильно ее, но что если Хёнрир сразу убьет.

Хёнрир медленно встает и идет на нее, шаг за шагом... у него дико, по-звериному, вытягивается лицо. Резкие нечеловеческие движения, словно у куклы... Жажда крови.

Сейчас бросится.

Нет...

Эрлин судорожно прижимает к себе ребенка... хоть его защитить! Паника накатывает. Не понимает, что ей делать сейчас.

И, видимо, как-то сильно сжимает руки, Бьярни просыпается и громко, обиженно кричит. Ему страшно тоже, страх Эрлин передается.

И словно звенит натянутая струна. Что-то рвется.

Хёнрир дергается, разом зажмурившись и развернувшись на месте, в сторону. Трясет головой. Потом трет глаза.

Он очнулся?

Что теперь...

Эрлин смотрит на него и боится поверить.

И только когда он снова поворачивается к ней, она видит его глаза... совсем нормальные, человеческие глаза, а не глаза зверя, – она всхлипывает.

– Эрлин? – тихо, чуть хрипло говорит он. – Как ты?

– Все хорошо, – так же шепотом говорит она.

Ноги подгибаются.

Все хорошо.

Сигнальная нить. Бьярни еще связан с Хёнриром, и его боль, его плач – смогли дернуть и разбудить.

– Испугалась? – спрашивает Хёнрир. Ее ужас и ее паника отражается в его глазах.

– Да, – говорит Эрлин.

Губы дрожат. Глаза начинает щипать от слез, еще немного и она разрыдается, не сможет справиться со слезами.

Хёнрир чуть подается вперед, к ней, но замирает.

– Я не успел вовремя проснуться, – говорит он, словно оправдываясь, не понимая, что делать теперь. – Устал, вырубился... и сознание не успело проснуться раньше зверя.

Едва-едва слышно, глядя ей в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.